

учреждений было еще в зародыше. Но во всяком случае результат был тот, что так же, как Конт, Спенсер не изучал человеческие учреждения самих по себе, без предвзятых идей, заимствованных из чуждой науке области. Кроме того, как только Спенсер дошел до философии общественной, он начал пользоваться новым, самым обманчивым методом - именно методом сходств (аналогий), которым он, конечно, не пользовался при изучении физических фактов. Этот метод позволил ему оправдать целую массу предвзятых идей. В результате мы до сих пор не имеем еще настоящей синтетической философии, построенной по одному и тому же методу в обеих своих частях: естественнонаучной и социологической.

Нужно сказать, что Спенсер был наименее подходящим человеком для изучения первобытных учреждений дикарей. В этом отношении он даже преувеличивал обычную для большинства англичан ошибку - именно неспособность понимать нравы и обычаи других народов. "Мы - люди римского права, а ирландцы - люди обычного права; вот почему мы не понимаем друг друга", сказал мне однажды Джемс Ноульз, очень умный и очень проницательный англичанин. Но эта неспособность понимать другую цивилизацию становится еще более очевидной, когда дело идет о тех, кого англичане называют "низшими расами". Так было со Спенсером. Он был совершенно неспособен понять дикаря с его почитанием своего племени, "с его кровной мстью", которая считалась долгом у героев исландских саг, и он так же был неспособен понять бурную, полную борьбы и гораздо более близкую нам жизнь средневековых городов. Понятия права, встречающиеся в эти эпохи, были совершенно чужды Спенсеру. Он видел в них только дикость, варварство, жестокость, и в этом отношении он делал решительно шаг назад по сравнению с Огюстом Контом, который понимал важную роль средних веков в прогрессивном развитии учреждения, - идея, с тех пор слишком забываемая во Франции.

Мало того - и это была самая важная ошибка, - Спенсер, подобно Гэксли и многим другим, понял идею "борьбы за существование" совершенно неправильным образом. Он представлял ее себе не только как борьбу между различными видами животных (волки поедают зайцев, многие птицы питаются насекомыми и так далее), но и как ожесточенную борьбу за средства существования и место на земле внутри каждого вида, между особями одного и того же вида. Между тем подобная борьба не существует, конечно, в тех размерах, в каких воображали ее себе Спенсер и другие дарвинисты.

Насколько сам Дарвин виноват в таком неправильном понимании борьбы за существование, мы не будем разбирать здесь¹. Но достоверно, что, когда двенадцать лет спустя после появления "Происхождения видов" Дарвин напечатал "Происхождение человека", он понимал уже борьбу за существование в гораздо более широком и метафорическом смысле, чем как отчаянную борьбу внутри каждого вида. Так, в своем втором сочинении он писал, что "те животные виды, в которых наиболее развиты чувства взаимной симпатии и общественности, имеют больше шансов сохранить свое существование и оставить после себя многочисленное потомство". И он развивал даже ту идею, что социальный инстинкт у каждой особи более силен и более постоянен, и активен, чем инстинкт самосохранения. А это уже совсем не то, что говорят нам некоторые "дарвинисты".

Вообще главы, посвященные Дарвином этому вопросу в "Происхождении человека", могли бы стать основанием для разработки чрезвычайно богатыми выводами представления о природе и развитии человеческих обществ (Гёте уже догадывался об этом на основании одного или двух).

Год спустя Ланессан выступил со своей лекцией "Борьба за существование и ассоциация в борьбе", и в то же время Бюхнер напечатал свой труд "Любовь", в котором он показал важность симпатии между животными для развития первых нравственных понятий; но только опираясь главным образом на семейную любовь и взаимное сочувствие, он напрасно ограничил круг своих изысканий.

Мне легко было доказать и развить в 1890 г. в моей книге "Взаимная помощь" идею Кесслера и распространить ее на человека, опираясь на точные наблюдения природы и на последние

¹ См. мою работу "Взаимопомощь как фактор эволюции". Относительно того, как Дарвин пришел к перемене своих взглядов на этот вопрос и стал все более и более допускать прямое воздействие среды на развитие новых видов, см. мои статьи о естественном подборе и прямом воздействии в журнале "Nineteenth Century", июль, ноябрь и декабрь 1910 г. и март 1912 г. фактов). Но эти главы прошли незамеченными. И только в 1879 г. в речи русского зоолога Кесслера мы находим ясное понимание существующих в природе отношений между борьбой за существование и взаимной помощью. "Для прогрессивного развития вида, - сказал он, приводя несколько примеров, закон взаимной помощи имеет гораздо большее значение, чем закон взаимной борьбы".